

С тех пор как Ли И ступил на путь охранника, он знал, что такой день настанет. Потерять собственную жизнь не страшно, главное — не уронить вывеску охранной компании «Яньван», иначе три его безжалостных старших сестры непременно похоронят его вместе со всем его любимым скарбом.

— Гу Чэнь! Гу Чэнь! — единственное, что он ещё мог повернуть, была голова.

— Ли-гэгэ? — внезапно перед глазами Ли И показалась чья-то голова, а затем медленно проступило и остальное лицо Гу Чэня. Совершенно голый, он походил на очищенную от скорлупы личи — такой же прозрачный и сияющий. Его соблазнительная, подобная бараньему жиру кожа заставила Ли И судорожно сглотнуть, а внизу живота тут же заворочалось возбуждение. Наконец Ли И почувствовал неладное и опустил взгляд на себя: он ведь сейчас точно так же был лишён единой нитки одежды.

Сглотив слюну, Гу Чэнь медленно, неспешно подступил ближе и оседлал Ли И. Его охваченный страстью взгляд напоминал полуголодного степного льва, который после долгих месяцев скитаний заметил сочный и нежный кусочек мяса с задней лапы, готовый проглотить его целиком в один присест. Но... пока еще рано. Хотя десерт уже отведан, заказать ещё одно блюдо не возбраняется.

При виде такого Гу Чэня Ли И запаниковал. Он даже сам не понимал, почему так боится этого маленького и совершенно безобидного паренька. Опираясь на ослабевшее, безвольное тело, он изо всех сил попытался отползти назад, однако, казалось, позабыл, что Гу Чэнь сидит прямо на нём: куда он, туда и Гу Чэнь. Наконец его затылок упёрлся в препятствие, отрезая путь к отступлению. Дистанция между ними не только не увеличилась, но, напротив, сократилась из-за наступающего Гу Чэня.

Исходящий от этого человека дурманящий аромат пугал его ещё сильнее. Ли И ненавидел подобные неподконтрольные организму порывы.

— Ты... держись... от меня подальше...

Уткнувшись лбом в лоб Ли И, Гу Чэнь захлопал ресницами и напустил на себя невинный вид:

— Почему? Разве я тебе не нравлюсь? Я же такой милый, как я могу тебе не нравиться?

Ли И передернуло от озноба, он молчал.

Гу Чэнь снова похлопал своими влажными большими глазами:

— Ладно, раз Ли-гэгэ не любит разговаривать, давай займемся этим.

Словно приняв окончательное решение, мягкие нежные пальчики Гу Чэня принялись хаотично

шарить по телу Ли И.

Что за кошмар, что это вообще такое?!

— Не трогай меня! Гу Чэнь, не трогай меня!

Каждое прикосновение мужских рук отзывалось на теле судорожной дрожью. Если бы Ли И до сих пор не понимал, к чему всё идет, он бы просто не заслуживал звания мужчины. Он изо всех сил отталкивал чужое извращенное наслаждение и сквозь зубы рычал, грозя убить Гу Чэня.

Однако Гу Чэнь и не думал сдаваться: вспыхнувшее в его глазах желание уже невозможно было потушить. Опустив голову, он взял в рот призывный сосок, а его проворная ручонка, скользнув ниже, накрыла точно так же налившийся член Ли И. Все мужчины — жалкие создания: стоит им получить разрядку, как они тут же идут на попятную. Ли И ненавидел собственное бессилие; никогда прежде не знавший плотских утех, он гораздо легче поддавался чужому управлению.

— Я влюбился в тебя в самый первый миг, как только увидел. Я впервые в жизни так сильно кого-то полюбил — полюбил до смерти, ради тебя я готов отказаться от всего на свете, ради тебя готов выучить всё что угодно... Готовясь к сегодняшнему дню, я перечитал столько книг, а папа даже специально сводил меня на практическое занятие. Впрочем, Ли-гэгэ, можешь не волноваться, я всё ещё девственник... — бормотал Гу Чэнь, не переставая целовать его. Ли И был готов заткнуть себе уши: ну зачем слух должен быть таким острым!

— ...Мама сказала, лишь бы я был счастлив, и даже семья Ли-гэгэ меня поддержала. У Ли-гэгэ такие замечательные сестры, они мне тоже очень нравятся. Правда, эта любовь отличается от той, что я испытываю к Ли-гэгэ, но мама говорит, что чувство, которое у меня к Ли-гэгэ — это настоящая любовь...

Произнося это, он даже застенчиво покраснел.

Ангельская внешность и дьявольские поступки — затерявшись в том празднике, что устроил Гу Чэнь, Ли И запомнил в конце концов лишь одно.

И этим единственным было... бегство!

Проснувшись на следующий день, он обнаружил, что силы восстановились наполовину. Воспользовавшись тем, что Гу Чэнь ещё не очнулся, Ли И схватил одежду и торопливо натянул её. Его рука уже коснулась входной двери, как он вдруг резко передумал, вернулся назад, схватил первую попавшуюся сумку и запихнул в неё всё выглядевшее миниатюрным и более-менее ценным имуществом в гостиную. Не то чтобы он был бессердечен — просто иного выхода не оставалось. Родные, в чьих руках сосредоточилась вся финансовая власть, предали его; если не полагаться на собственные силы, то как ему вообще выжить? Во всём виноваты проклятые папа с мамой — померли так рано и обрекли его на вечное угнетение, не оставив нилейшего

шанса на реванш.

Ни паспорта, ни удостоверения личности, ни прописки — кроме вырученных с продажи чужого имущества денег, у Ли И не было за душой ничего. Куда бежать такому человеку? Самое опасное место — самое безопасное. Ли И сменил имидж и, не задумываясь, переоделся в женское платье, несмотря на свою массивную фигуру — он лишь надеялся дождаться дня, когда Гу Чэнь потеряет к нему интерес. Только когда Гу Чэнь оставит его в покое, он сможет вернуть всё, что ему принадлежит.

Выплакав все глаза в томительном ожидании, промелькнули пять долгих лет, но желанный шанс так и не представился. Вместо этого он дождался трёх разъяренных и грозных женщин.

— Ой-ой, братец, а жизнь-то у тебя вполне налажена! Ты даже в женское платье вырядился, ну надо же додуматься. Seriously, с твоей-то здоровенной тушей ты рассчитывал долго продержаться в таком виде?

Разве этого мало? Пять лет они искали его — одно это доказывало его триумф. Впрочем, возражать он не смел, лишь бросил на них равнодушный взгляд и продолжил работать.

— Возвращайся с нами!

— Нет!

Три пары красивых женских глаз гневно сверкнули. Ого, да он еще и бунтует:

— А своего Блэки ты тоже не хочешь?

— Не нужен. Всё равно он уже сдох, а даже если бы и нет — живого места там не осталось бы.

— Ну и ладно, раз не хочешь возвращаться — как хочешь. Но извиняться мы перед тобой не будем, мы ни в чем не виноваты.

Ведь он остался жив.

Украдкой смахнув слёзы, третья сестра Ли И была вынуждена повернуться спиной. Разве он мог понять всю глубину их безвыходного положения? Разумеется, они тоже желали ему обычной жизни — чтобы женился, как нормальный мужчина, и завёл детей, но разве они могли изменить предначертанную судьбу? Главное, что он жив.

Похлопав его по плечу, она собралась уходить:

— Братец, раз уж мы знаем, где ты прячешься, то и он наверняка в курсе. Если не хочешь, чтобы тебя отыскиали, и не желаешь принимать его любовь — продолжай бежать.

Ли И замер на мгновение. На самом деле он не держал на родных зла; причиной, по которой он столько лет не выходил с ними на связь, было вовсе не это, а стремление избежать встречи с тем человеком. Он наивно полагал, что стоит ему скрыться на пару лет, как Гу Чэнь постепенно забудет его, и тогда он сможет вернуться домой, воссоединиться с близкими и зажить прежней жизнью.

— Ли И! — стоило вспомнить о чёртах, как они тут же появились. Гу Чэнь пулей подскочил к нему и вцепился в руку, не давая вырваться, как бы Ли И ни сопротивлялся.

Увидев эту сцену, три старшие сестры Ли И поспешили вмешаться, пытаясь всё уладить мирно.

— Гу Чэнь, перестань!

— Гу Чэнь, старшая сестра понимает, как тебе тяжело, но Ли И он...

— Мне плевать, мне всё равно! Я знаю только одно: я люблю его и не могу без него жить. С меня хватит этих пяти долгих лет поисков! Пусть силой, пусть как угодно, но я удержу его рядом с собой.

Хватка Гу Чэня не ослабела ни на йоту, хотя он прекрасно знал, что подобное усилие не причинит Ли И ни малейшего вреда.

— Насильно мил не будешь.

— Даже если не мил — всё равно съем. Ли И — мой источник жизни, без него я умру! Старшая сестра, неужели за столько лет ты так и не поняла моих чувств?

— Я...

— Старшая сестрица, ступайте пока домой, я сам с ним поговорю.

Ли И заговорил неожиданно для всех, и эти слова поразили всех четверых. Женщины согласно закивали. На их лицах расцвели улыбки — самые искренние, идущие из глубины души. Из слов Ли И нетрудно было понять, что он простил их, вернее, никогда по-настоящему на них и не сердился. И правда, как они могли забыть: это же их младший брат — пусть с виду и устрашающий, но по сути настоящий добряк.

Опустив руку Гу Чэня, за которую тот держался, Ли И легко похлопал его по плечу:

— Подожди здесь немного, я переоденусь. Я не сбегу, честно.

Уголки его губ изогнулись в улыбке, отчего у Гу Чэня на душе почему-то стало спокойно. Глядя на то, как Ли И скрывается за дверью комнаты, Гу Чэнь прослезился, едва сдерживая переполнявшие его чувства.

Утирая слёзы, он вспомнил адские годы разлуки, и крупные капли снова заструились по щекам, словно стоили сущие гроши.

Именно такого жалостливого и беззащитного человека увидел вышедший из комнаты Ли И. Не зная, как его утешить, он просто заключил его в объятия и мягко похлопал по спине. Порой многое в жизни невозможно объяснить словами — как в случае с ним самим: даже сбежав от Гу Чэня, он ежедневно ловил себя на том, что скучает по нему, по его улыбке, по всему хорошему, что между ними было.

Пусть Гу Чэнь уже считался взрослым мужчиной, сейчас он забыл о всякой гордости и, уткнувшись лицом в грудь Ли И, горько заплакал. Его навзрыд раздающийся плач заставил сердце Ли И сжаться от боли. Раньше он искренне верил, что подобное расставание станет наилучшим выходом для них обоих, но события, судя по всему, развивались совсем не так, как он себе представлял.

— Я... я могу поехать с тобой? — всхлипывая, проговорил Гу Чэнь. Лицо его выражало глубочайшую обиду.

Ли И не знал, правильно это или нет, но в тот момент, когда эти слова сорвались с губ, его сердце наполнилось радостью — чистой, незнакомой прежде радостью.

— Конечно, раз ты сам этого хочешь.

— Хочу!

Шаг вперёд, сближение, поцелуй.

Прекрасная погода, идеальное место, нужные люди — какая чудесная атмосфера! Даже солнце от смущения покраснело. И всякого, кто посмеет разрушить этот идеальный момент, ждет страшная кара.

— Папа?

Малышка Сяося, прижимая к груди любимого плюшевого медвежонка, стояла на пороге и с недоумением наблюдала, как её собственный папа обменивается слюной с каким-то незнакомым дядей. Фу, какая гадость.

Наклонив голову и хлопая ресницами, Сяосяо недовольно надула губки: чего вылупились, разве вас не учили, что спрашивать у женщины её возраст — это верх неприличия? Ладно уж, раз вы так искренне хотите узнать, я так и быть снизойду и отвечу: мне, между прочим, уже исполнилось четыре года!

Буду любить тебя всю жизнь

В деревнях и посёлках восьмидесятых-девяностых годов считалось: если новоиспеченная жена не рождает ребёнка в течение трех лет, за спиной её неизменно начнут называть «курицей, не несущей яиц». Вторые сыновья семьи Ли, державшие в посёлке небольшой продуктовый лавочки, женились, но спустя пять лет у них так и не появилось потомства. Эта тема сделалась излюбленной сплетней для всех местных жителей, и в конце концов некогда любящие друг друга супруги под давлением пересудов развелись. Бывший муж очень быстро женился на девушке помоложе, а она по чьей-то рекомендации вышла замуж за Цянь Чжимина — учителя из соседнего посёлка, который был старше её на десять лет.

Цянь Чжимин уже состоял в браке прежде, но спустя всего два года после свадьбы его здоровая жена внезапно тяжело заболела и скончалась. Родственники покойной, не добившись от него требуемых денег, стали повсюду распускать слухи, будто на мужчине лежит проклятие вдовца и каждый, кто выйдет за него замуж, умрёт молодой. Поэтому, несмотря на вполне достойное положение самого Цянь Чжимина, мало кто соглашался отдавать за него дочерей; даже те семьи, что были готовы пойти на это ради денег, в последний момент находили тысячи предлогов, чтобы расторгнуть помолвку. Прожив холостяком больше десяти лет, он наконец смог жениться на недавно разведенной Дунфан Тун.

Одиночество, тянувшееся слишком долго, рождало отчаянную жажду тепла и присутствия близкого человека рядом. Поэтому к новой жене Цянь Чжимин относился с абсолютным, почти безумным обожанием: стоило ей чего-то пожелать, как он тут же из кожи вон лез, но добывал желаемое. Впрочем, Дунфан Тун не была вздорной или сварливой женщиной — за исключением заикливости на детях, во всём остальном характер у неё был вполне сносный.

Прожив под одной крышей три года, супруги по-прежнему не имели никаких известий о долгожданной беременности, и пересуды из соседнего посёлка вновь захлестнули те места, где жила Дунфан Тун.

Точно так же, как и прежде, куда бы она ни направлялась, повсюду до неё доносились обрывки чужих разговоров и шепотки за спиной.

Возможно, поначалу она и не испытывала пылких чувств к нынешнему мужу, но человеческое сердце не из камня: Цянь Чжимин заботился о ней искренне, неизмеримо превосходя в этом её первого супруга. Постепенно она приняла его и научилась понемногу отпускать прошлое.

Она любила детей, и появление ребенка было бы благом, но если судьба не давала его — надрываться не стоило. Ей нужен был лишь человек, способный состариться вместе с ней. Однако Цянь Чжимин любил Дунфан Тун до безумия, всей душой. Раз она так сильно хотела

ребёнка, он непременно должен был подарить ей его.

Он возил её по бесчисленным больницам, испробовал всевозможные народные рецепты и целительные отвары — пока оставалась хоть призрачная надежда, он не собирался сдаваться.

Наверное, их искренность наконец тронула небеса: спустя два года Дунфан Тун забеременела. Ошеломленная счастьем, она обвила руками шею Цянь Чжимина и озарила всё вокруг сияющей улыбкой. С той минуты она впервые в жизни смогла ходить по улицам посёлка с высоко поднятой головой.

И хотя родившаяся девочка в тех краях, где превыше всего ценились мальчики, вновь стала предметом для пересудов, Дунфан Тун залюбила дочь до безумия.

Поскольку этот ребенок был долгожданным плодом их надежд, то даже после рождения второго малыша на следующий год, Дунфан Тун продолжала отдавать всю себя первенцу, уделяя второму ребенку куда меньше внимания. Особенно учитывая, что если первый год малышка росла крепкой и здоровой, то со второго года почему-то то и дело подхватывала простуды, а аппетит её заметно ухудшился. Это заставило Дунфан Тун сосредоточить еще больше заботы на Цянь Додо, почти полностью забросив Цянь Сяодо.

Цянь Чжимин, со своей стороны, тоже хотел бы окружить Цянь Сяодо теплом, но чувствовал себя бессильным перед нехваткой времени и сил. В итоге Цянь Сяодо целыми днями лежала в колыбели, наблюдая большими наивными глазами за тем, как родители баюкают и осыпают лаской её старшую сестру. Так они и росли: одна — окруженная всеобщей любовью Цянь Додо, и другая — пренебрегаемая всеми Цянь Сяодо, но обе всё же дожили до сознательного возраста.

По воле матери с самого начального класса и вплоть до окончания школы Цянь Сяодо училась в одном классе со старшей сестрой. Они были неразлучны, и везде их видели вместе, но куда бы они ни направлялись, Цянь Додо всегда сияла подобно ослепительному солнцу, тогда как Цянь Сяодо оставалась лишь тусклой, никем не замечаемой луной в её тени. В детстве она, пожалуй, еще обижалась, жаждая чуть больше утешения и справедливости, но по мере взросления постепенно уразумела: то, чего нет, силой не выразишь. И её характер стал еще тише, а сама она — незаметнее.

Она с головой ушла в учебу, посвящая всё своё время книгам, наивно полагая, что поступление в хороший университет способно изменить её жизнь.

Однако...

Преподаватель в аудитории увлеченно читал лекцию, в то время как студенты, за редким исключением нескольких прилежных слушателей, занимались каждый своими делами. Подобная университетская жизнь казалась Цянь Сяодо крайне тягостной. На уровне инстинктов она стала искать взглядом сестру и обнаружила, что Цянь Додо оживленно о чём-то болтает с девушкой из соседнего ряда. Как и прежде, она вновь оказалась задвинута на

второй план.

Горько усмехнувшись, Цянь Сяодо и сама не понимала, почему ей до сих пор больно.

Прошел уже месяц, но университетские будни, казалось, просто копировали прошлое: та же пустота вокруг и ни единой живой души рядом. Эта звенящая изоляция давила на грудь с невыносимой тоской.

— Представляешь, политехнический университет прямо рядом с нашим корпусом — огромный! И парней писанных красавцев там — видимо-невидимо. Я в прошлый раз заглянула туда на чужую лекцию и сразу парочку заметила.

— Ой, брось! Какая лекция, пошла охотиться за красавчиками — так и говори.

— Хи-хи, раз знаешь — молчи. В следующий раз пойдем вместе, лекции в политехе огромные, никто и не заметит, что ты не местная.

Что они обсуждали дальше, Цянь Сяодо уже не слышала.

Послушать лекцию? Разве туда можно просто так прийти со стороны?

Размышляя над этим всю неделю, Цянь Сяодо наконец приняла решение. Во всяком случае, по её собственной специальности пар было немного, а преподаватели никогда не устраивали переключек — может, ей стоит наведаться в политехнический университет и послушать курсы по интересующему её направлению? Сказано — сделано. Открыв подаренный отцом ноутбук, Цянь Сяодо нашла информацию о расписании политеха.

В один из дней, когда свободных окон в расписании оказалось больше обычного, она закинула за плечи рюкзак и направилась в политехнический университет. Ей хотелось узнать расписание занятий для первокурсников по специальности компьютерные науки и технологии, но кампус политеха поражал масштабами, и она понятия не имела, куда идти и у кого спросить. Побродив без всякого толка добрую половину дня и уткнувшись взглядом в собственные кроссовки, Цянь Сяодо почувствовала себя невероятно одинокой.

— Эй, подруга, не хочешь купить расписание лекций по международной торговле? — раздался вдруг голос у неё над головой.

Расписание? Цянь Сяодо стряхнула с лица тень уныния, резко подняла голову и восторженно уставилась на стоящего перед ней парня:

— А есть расписание первого курса по специальности компьютерные науки и технологии?

Ха? Он впервые слышал, чтобы кто-то целенаправленно искал именно это расписание — неужели на тот факультет тоже перевелся какой-то писанный красавец из богатой семьи?

— У меня только международная торговля, другого ничего нет. Берёшь? Двадцать юаней за лист.

Двадцать юаней за расписание? Дорого... Сжав зубы, Цянь Сяодо всё же вытащила деньги. Пусть будет международная торговля — её собственная специальность была связана с английским языком, так что посещение таких лекций в любом случае пойдет на пользу, а там, глядишь, удастся узнать и точное расписание компьютерщиков.

Сквозь густую чёлку она пробежала глазами по строчкам: первая пара стояла уже на сегодняшний вечер.

Поев, Цянь Сяодо заблаговременно пришла на второй этаж учебного корпуса факультета международной торговли. Сверившись с записями и убедившись, что всё верно, она устроилась на свободном месте в самом дальнем ряду. Достав блокнот, она аккуратно переписала всё расписание с купленного листка — боялась потерять его, как-никак двадцать юаней отвалила.

Судя по записям, владельца расписания звали Сяо Цзю. Очень красивое имя, куда благозвучнее её собственного, сразу представлялась милая девушка. При этой мысли Цянь Сяодо вновь почувствовала укол грусти, но тут же похлопала себя по щекам: взбодрись, нельзя сдаваться.

Надо же, сколько народу учиться на международной торговле! Аудитория оказалась настолько огромной, что мест всё равно не хватило на всех студентов. Бросив взгляд на галёрку, она заметила множество стоящих ребят — похоже, она заняла одно из предназначенных им мест.

Впрочем, судя по тому, что подобная картина повторялась уже больше месяца, читавший лекцию профессор давно привык к этому и продолжал вещать как ни в чем не бывало.

Прежде ей не доводилось бывать на подобных занятиях, поэтому сперва она абсолютно ничего не понимала. Однако спустя полмесяца Цянь Сяодо к своему удивлению обнаружила, что начинает улавливать суть, а со временем и вовсе привязалась к этим предметам, забросив мысли о компьютерных науках — на них попросту не оставалось времени, поскольку нагрузка по международной торговле оказалась колоссальной.

— Сяо Цзю, ты заметил ту девчонку? Я наблюдаю за ней уже целую неделю.

Бросив косой взгляд на приятеля, тот ответил:

— Только не говори, что ты на неё запал.

— Черт! Да сам ты на неё запал! — Сунь Фэй едва не сорвался на крик, метнув в ответ свирепый взгляд. Он бы ни за что не увлекся такой серой мышкой, просто... — Она какая-то странная. Я слежу за ней неделю: она всегда приходит раньше всех, а уходит позже, и при этом за всё время ни разу на тебя не взглянула.

— ... — Сяо Цзю не понимал, что в этом такого особенного, и никогда не разделял ход мыслей Сунь Фэя.

— Она ведь не из нашей группы, но стоит нам прийти на лекцию — она тут как тут. И знаешь, я слышал, у нее есть твое расписание. Только не спрашивай откуда — наш «красавчик Сяо» давно признанный всеми кумир университета, даже в нашей группе организовался фан-клуб, и чужачек они опасаются как огня. Но я наблюдаю уже неделю, а она ни разу на тебя не посмотрела. Странная девчонка.

Пока все вокруг считали Цянь Сяодо странной, она в свою очередь находила странными окружающих — ведь она прекрасно замечала взгляды, которые каждый день падали на неё.

<http://bllate.org/book/21152/2144341>